

КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

В.А. Иванов

*Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Цель: показать, как современные историки воспринимают и трактуют историю кочевников Золотой Орды, основным источником информации о которых являются археологические источники.

Материалы исследования: работа основана на результатах критического дискурс-анализа публикаций современных историков-источниковедов, в которых в той или иной степени излагается история завоевания монголами кочевников Дешт-и-Кыпчак и освещается их роль и место в административно-политической системе Золотой Орды (Улуса Джучи).

Результаты и научная новизна: в современной историографии истории Золотой Орды сложилась парадоксальная ситуация. Её изучают и историки, и археологи – представители двух родственных наук, имеющих один и тот же объект, историю человеческого общества – но изучающих его разными методами и по разным источникам. Отсутствие взаимной корреляции получаемых результатов и основанных на них выводов приводит к тому, что в исторических и археологических исследованиях создаются параллельные образы Золотой Орды как исторического явления, часто противоречащие друг другу. Особенно наглядно это прослеживается по публикациям, посвященным кочевникам Дешт-и-Кыпчак, которые, во-первых, стали одним из первых объектов монгольского завоевания в Евразии, во-вторых – они же стали и основным населением Золотой Орды. Механистическое, т.е. без источниковедческой критики, прочтение средневековых нарративов приводит к тому, что в исторических исследованиях география расселения кочевников (ольбери, куны, канглы), направление монгольского вторжения в Дешт и-Кыпчак оказываются разбросанными в пространстве. А отсутствие корреляции археологических и исторических (извлеченных из нарративов) данных лишает существующие исторические реконструкции объективности и адекватного их понимания заинтересованным читателем.

Ключевые слова: Золотая Орда, Дешт-и-Кыпчак, кочевники, археология, нарратив, миграция, корреляция

Для цитирования: Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634

NOMADS OF THE GOLDEN HORDE IN THE PERCEPTION OF MODERN HISTORIANS

V.A. Ivanov

*Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract: Objectives: To show how modern historians perceive and interpret the history of nomads of the Golden Horde regarding whom the main sources of information are archaeological sources.

Materials of the research: This article is based on the results of a critical discourse analysis of the publications by contemporary source-study researchers. Their work expounds to some extent the history of the Mongol conquest of the nomads of Dasht-i-Kipchak and highlights their role and place in the administrative and political system of the Golden Horde (Ulus of Jochi).

Results and novelty of the research: A paradoxical situation has developed in the modern historiography of the Golden Horde. The history of the Golden Horde is studied by historians and archaeologists – representatives of two related disciplines that study the same theme, that is the history of human society. However, they study this theme using different methods and based on different sources. The absence of a mutual correlation between the results obtained and conclusions based on them leads to the fact that in parallel historical and archaeological studies of the Golden Horde, parallel images of this state are often created, often contradicting each other. This is particularly evident in the publications dedicated to the nomads of Dasht-i-Kipchak, who, firstly, became one of the first targets of the Mongol conquest in Eurasia; secondly, they also became the main population of the Golden Horde. The mechanistic reading of medieval narratives without source criticism leads to a situation in historical studies which sees the geography of the dwelling area of nomads (the Örberli, the Kuns, the Kangli) and the direction of the Mongol invasion of Dasht-i-Kipchak scattered in space. Insufficient correlation of archaeological and historical data (extracted from narratives) deprives the existing historical reconstructions of objectivity and denies the interested reader of an adequate understanding.

Keywords: Golden Horde, Dasht-i-Kipchak, nomads, archaeology, narratives, migration, correlation

For citation: Ivanov V.A. Nomads of the Golden Horde in the Perception of Modern Historians. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634

Введение

Парадоксальность ситуации, сложившейся в настоящее время в изучении истории Золотой Орды (Улуса Джучи), заставляет вновь обратиться к проблеме интеграции (вернее – отсутствию таковой) выводов историков и археологов по ряду аспектов золотоордынской истории, адекватное освещение которых без такой интеграции просто невозможно. Сразу хочу подчеркнуть: я не считаю археологию универсальным источником знаний по всем аспектам истории Золотой Орды. Социальная и политическая история, внутренняя и внешняя политика золотоордынских ханов, коллизии и нюансы династийных отношений – эти и другие подобные вопросы, естественно, стоят за пределами эмпирического поля археологии. Вместе с тем, такие вопросы золотоордынской

истории, как историческая география этого государства, роль кочевого населения в его истории и культуре, масштабы и семантика взаимодействия городской и кочевой культур, динамика конфессиональной истории, без археологических данных глубоко исследованы быть просто не могут. Но поскольку в современной отечественной и зарубежной историографии сложилась устойчивая традиция воспринимать археологию, как некую экзотическую отрасль познания, имеющую мало общего с историей, как наукой о человеке, историки и археологи, изучающие Золотую Орду, работают параллельно¹, чаще всего создавая диаметрально противоположные образы этого государства.

Не имеет смысла «в сотый раз» останавливаться на обосновании тезиса о том, что археология – хотя и источниковедческая (по определению Л.С. Клейна, с которым нельзя не согласиться), но историческая наука, объект и предмет которой совпадают с объектом и предметом истории, в ее «традиционно-классическом» понимании. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к классическим энциклопедическим определениям археологии как науки, данными в *Encyclopædia Britannica*, Энциклопедическом Словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Большой Советской и Советской исторической энциклопедиях. Из этих определений следует, что в изучении **истории** древних, средневековых, а сейчас уже очевидно, что и более поздних обществ, археология играет такую же важную роль, что и история в ее традиционном понимании. И, конечно же, без данных археологии изучение истории Золотой Орды будет (и, пока, есть) недостаточным в плане создания нового знания об объекте. В первую очередь это касается такой важной составляющей истории и культуры Золотой Орды, как кочевничество.

Источниками по истории Золотой Орды являются нарративы, созданные сторонними наблюдателями. Собственно золотоордынские архивы до нас не дошли², а свидетельства внешних наблюдателей-нарративистов субъективны и тенденциозны. Примеры последнего я уже имел возможность привести [9; 10].

Обсуждение

Обратившись в контексте сказанного, к трудам современных историков-источниковедов³, мы сталкиваемся с ситуацией, когда выводы исследователей (историков и археологов) по тем или иным вопросам истории Золотой Орды вступают в очевидное противоречие. Например, ещё в 1994 г. на страницах справочно-энциклопедического издания «Всемирная история» прозвучал тезис о том, что если монгольские правители Китая и Персии переняли некоторые черты оседлого образа жизни своих поданных, то на просторах степной Евразии

¹ Один из современных историков-источниковедов, активно работающих в области средневековых кочевников, Я.В. Пилипчук, в личной переписке написал мне: «но я же не лезу в археологию...».

² Едва ли стоит сомневаться в том, что они были, но погибли в пламени тимуровского погрома 1391 и 1395 гг.

³ Я не ставлю своей задачей рассматривать всю историографию истории Золотой Орды. Меня интересуют именно исторические исследования конца прошлого – начала текущего столетий, когда археологическая составляющая золотоордынского источниковедения уже была достаточно разработанной.

зии монголы, сохранив кочевнические традиции своего бытия, ассимилировали местных кочевников (читай – кыпчаков/половцев) [37, р. 371–372].

Позже этот же тезис был высказан Ч. Гальпериным – авторитетным исследователем истории Золотой Орды. Он так же считает, что монголы в процессе создания своей империи ассимилировали тюркоязычных кочевников восточноевропейских степей, культура которых была похожа на культуру самих монголов [35, р. 11].

Поскольку этот тезис основан исключительно на преломлении сведений средневековых нарративов в сознании исследователей, их выводы не единодушны. В частности, Д. Синор, опираясь на письменные источники, повествующие о монгольских походах на запад и о тех этнополитических изменениях, которые были вызваны этими походами, считает, что куманский (кыпчакско-половецкий) этнический пласт в Золотой Орде был доминирующим, его язык – наиболее распространенным и «вездесущим», и, как следствие, «в течение нескольких поколений завоевавшие монголы были поглощены завоеванными тюркскими популяциями. Процесс ассимиляции был настолько быстрым, что Аль-Омари мог уже заявить в свое время, что монголы и кыпчаки, казалось, принадлежали к одной и той же расе» [38].

Если обратиться к данным археологии, то, конечно, спорить относительно сходства монгольской и тюркской кочевнических культур не имеет смысла. А вот по поводу ассимиляции монголами тюркоязычных кочевников (кыпчаков/половцев) возникают сомнения. Ещё в конце 1980-х гг. было установлено, что курганы кочевников Золотой Орды, выявленные к тому времени в степях Урало-Поволжского региона, типологически представляют собой две группы: курганы земляные и курганы, сооруженные с применением камня (земля вперемешку с камнем, каменное покрытие-«панцирь» на земляной насыпи, каменная наброска над могилой, площадка-выкладка, каменное кольцо, прямоугольная оградка), которые различаются территориально. Земляные курганы преобладают к западу от р. Урал, «каменные» – к востоку [12, с. 45–50; 8]. Первоначально погребения и под земляными, и под «каменными» насыпями довольно расплывчато трактовались как кыпчакские [17; 12], однако позже В.П. Костюковым было убедительно показано⁴, что «каменные» курганы оставлены кочевниками, своим происхождением связанными с востоком Степи [16, с. 121]. То есть, с монгольским или монголо-тюркским этнокультурным ареалом.

Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, В.П. Костюков считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район наиболее плотной локализации «каменных курганов») – в XIII–XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [14, с. 200–235]. Совсем иная картина наблюдается в степях к западу от Волги. В степях Восточной Европы также присутствуют захоронения XIII–XIV вв., совершенные под «каменными курганами». Но, во-первых, в гораздо меньшем количестве: из 233 «каменных курганов», известных сейчас на территории Золотой Орды, только 38,2% располагаются в степях к западу от Волги. Во-вторых, локализуются они в основном в междуречье Нижнего Днепра, Северского Донца и

⁴ В его кандидатской диссертации, защищенной в 1997 г.

Кальмиуса на территории современной Украины [подробнее об этом см.: 8]. Их появление там может быть объяснено участием кочевников центральноазиатского происхождения в походах Бату на Восточную Европу и далее на запад. Тем более что и сам Шибан – младший брат Бату – принимал в этом походе активное участие [16, с. 83–84]. Таким образом, если мы и можем говорить об «ассимиляции монголами» тюркоязычных кочевников Восточной Европы, то только в контексте культурной ассимиляции, вследствие которой в обиходе кочевников Дешт-и-Кыпчак утверждается т.н. «имперская культура» Золотой Орды. Здесь уместно привести высказывание М. Биран о том, что монголы служили фильтром, направляя особые черты, которые распространялись через Евразию. Короче говоря, поток людей, идей и товаров по всей Азии определялся в значительной степени тем, что монголам нравилось, в чем они нуждались и были заинтересованы [32, р. 350].

Многие современные историки, изучающие Золотую Орду, считают, что завоевание и покорение куманов (кыпчаков-половцев) являлось основной целью монгольского похода в Восточную Европу в 1236–1241 гг. Тезис – выдвинутый американским историком Т. Оллсенем ещё в 1983 г., но на русском языке опубликованный только четверть века спустя. Ему же принадлежит и тезис о кыпчакском племени ольбери – «одном из наиболее сильных восточных кыпчакских племен», – в XI–XII вв. кочевавшем в степях Волго-Уральского междуречья [30; 20, с. 352, 360].

В начале 1980-х годов археологическая карта (и, соответственно, этническая география) степей Волго-Уралья эпохи средневековья представляла собой «terra incognita» для исследователей. Поэтому и названный автор просто не имел возможности сопоставить сведения единственного источника, из которого он черпал сведения о расселении кыпчаков в Волго-Уралье в XI–XII вв. – Юань ши («Жизнеописание Тутука»), созданное в XIV в., – с археологическими материалами, появившимися в регионе в 1980–1990-е годы. Эти материалы, на фоне материалов предшествующего огузо-печенежского и последующего золотоордынского периодов выделяющиеся своей малочисленностью, указывают на то, что в XII в. степи Волго-Уральского междуречья представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кыпчак/Половецкой степи, слабозаселенную и малолюдную [11 с. 196–215]. С этим, кстати, был согласен и В.П. Костюков – переводчик статьи Т.Оллсена на русский язык. Он так же отмечал слабую заселенность Дешт-и-Кыпчака в пределах урало-казахстанских степей в XI–XII вв., объясняя это тем, что после изгнания огузов из урало-поволжских степей одна часть «кыпчаков (западные кыпчаки или половцы) последовала за огузами в причерноморские степи, другая часть заняла покинутые беглецами земли. При этом зона кочевий кыпчаков, овладевших землями огузов, по каким-то причинам оказалась значительно меньше территорий, бывших в хозяйственном обороте у прежних хозяев» [25, с. 444]. Поэтому, даже не заостряя внимания на том, насколько сильным было племя ольбери⁵, отмечу, что пока вся совокупность источников (нарративных и археологических) «работает» в пользу мнения С.А. Плетневой, отождеств-

⁵ В любом случае, это будет только наше умозаключение.

лявшей ольбери с половецкой ордой Бурчевичей, накануне и в начале монгольского вторжения кочевавшей по левобережью Днепра⁶ [24, с. 102, 178].

Некоторым современным исследователям, изучающим историю Монгольской империи, как отечественным, так и зарубежным, тезис Т. Оллсена о том, что «...покорение кыпчаков, а не завоевание Руси было главной целью западной компании, начавшейся в 1236 году» [30; 31; 20, с. 360], весьма импонирует. У В.А. Злыгостева читаем: «Говоря о Великом западном походе, выделяя в нем нашествие на Русь и делая акцент на военных действиях, предпринятых монголами в Польше, Венгрии и прочих странах, большинство исследователей не уделяет должного внимания событиям, произошедшим в 1238–1240 годах в Поволжье, на Северном Кавказе и в собственно половецких степях ... А ведь это были именно те земли, на которые претендовали завоеватели, и не с целью обложения их данью, как, к примеру, Руси, а для трансформации этих территорий в административно-военную и хозяйственную часть в составе всей империи и находящуюся в ведении потомков Джучи» [5, с. 277–278]. Ему вторят И. Зимони и Н. Кузембаев: «...Субэдэй-баатур, выступив против Мекета (= Magas), Мен-кермен, Кейбе и других мест, пересек реки Адил и Джаяк, богатые водой, и достиг до Qanglin, Kibcha'ut, Баджигит, Орусут, Асут, Сесут, Маджар, Кешимир, Сергесут, Букар (читай Болар) и народы Келера (Keler). Подчинение кыпчаков указано среди основных стратегических целей кампании» [4]; «В монгольском источнике «Сокровенное сказание монголов» поход Бату именуется не иначе как «Кыпчакский поход». В «Юань Ши» поход Бату также получил название «Кыпчакской кампании». Это дало основание Т.Т. Оллсену прийти к выводу, что покорение кыпчаков, а не завоевание Руси было целью западной компании, начавшейся в 1236 году. Это указывает на важность кыпчаков в политических планах Монгольской империи. Дальнейшие исторические события покажут, что преследование и завоевание кыпчаков продолжалось на Северном Кавказе, в Венгрии и Болгарии» [4, с. 10].

В основе их умозаключения лежит единственное упоминание «Кыпчакского похода»⁷ в «Тайной истории монголов»⁸. И если исходить из содержания этого источника, то его составители гораздо больше внимания уделяли описаниям монгольских завоеваний в Китае и Хорезме («сартаульские города»), нежели «проблеме» завоевания кыпчаков. И это также не оставлено без внимания коллегами-историками.

В частности, Д. Синор считает, что в стратегическом плане монголов⁹ генеральной целью завоевания являлись Булгар, Русь и Венгрия: «Как показывает тщательная подготовка кампании против Булгара – годовичного затишья

⁶ Именно там, кстати, локализуются 33% всех (433 погр.) известных сейчас в степях Восточной Европы половецких погребений XII – первой пол. XIII вв.

⁷ Причем, если в переводе Р.П. Храпачевского этот сюжет звучит так: «Из Кыпчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение...» [6, с. 310], то в переводе А.В. Мелехина – «Засим прибыл к Угэдэй-хану посланный от Бата из земли кыпчаков и передал владыке сие...» [29, с. 223].

⁸ По определению Т.Оллсена – единственного из дошедших до нас монгольских нарративов XIII в., который, представляя собой «смесь историй, мифов и исторического факта, был составлен неизвестной рукой (или руками) в тринадцатом веке» [30, р.17, 40].

⁹ В том, что такой план был, исследователь не сомневается.

до окончательного нападения – для монголов гораздо больше было поставлено на карту, чем просто завоевание этого важного торгового центра. Оперативный план – и, без всякого сомнения, такой план действительно существовал – предусматривал завоевание русских княжеств, Польши и Венгрии, фактически всей Восточной и части Центральной Европы: гигантской операции, которая длилась несколько лет. Используя современную терминологию, завоевание Булгара было первым эпизодом в монгольском блицкриге, серии разрушительных, почти непреодолимых атак против ряда российских городов». Поход Мункэ против кыпчаков (часть которых уже добровольно начала подчиняться монголам) носил превентивный характер, с целью обеспечить безопасность фланга и тыла армии, наступающей на Булгар [38].

Р.П. Храпачевский – исследователь и знаток китайских источников по истории Монгольской империи – в своей монографии, посвященной монгольским завоеваниям, вообще не заостряет внимания на стратегических планах монголов. В его трактовке, поход Субэдя и Чжэбе – решение поставленной Чингиз-ханом задачи по завоеванию западных владений хорезмшахов Ануштегинидов; разгромив армии закавказских правителей, монголы выходят на Северный Кавказ и в Причерноморье, где в 1223 г. устраивают грандиозное побоище русским и кыпчакам на Калке; на обратном пути – неудачная попытка вторжения в Булгарию; в итоге – «За время этого беспримерного четырехлетнего похода монголы захватили и отправили Чнигисхану огромную добычу. И хотя при этом монголы потеряли по некоторым данным до 80% своего первоначального состава, они прошли с боями огромное расстояние вокруг Каспийского моря и вернулись с бесценными сведениями об этих странах, с этого самого момента ставших **вероятными целями** (выделено мной – *В.И.*) будущей монгольской экспансии» [27, с. 326].

Вообще приписывать «монгольскому генштабу» разработку какой-то долгосрочной завоевательной стратегии – явная модернизация истории. Очевидно, что была святая воля великого Чингиз-хана, изложенная в его завещании. Согласно этому завещанию, его старшему сыну Джучи должны были принадлежать «Хорезм и Дешт-и-Кыпчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади...» [7, с. 387–388]¹⁰.

Эта воля была зафиксирована решением курултая 1228 г., давшим добро на начало великого западного похода. Причем, в перечне стран и народов, которые надлежало завоевать («Сокровенное сказание»), какие-либо приоритеты если и прослеживаются, то только в географической последовательности: «Точно также он (Угэдэй – *В.И.*) отправил в поход Бату, Бури, Мунке, и много других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингиз-хане, а именно – народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих» [7, с. 308].

¹⁰ Правда, не лишним, очевидно, будет отметить, что о подобном завещании Чингиз-хана ни в «Сокровенном сказании», ни в Юань ши» ничего не сказано, и о нем известно только из «Родословной тюрок» – анонимном сочинении середины XV в.

В данном контексте вполне логичными представляются точки зрения И.В. Антонова и И.М. Миргалеева, объясняющие причины и обстоятельства завоевания Дешт-и-Кыпчак через призму решения владельческо-династийных проблем рода Чингизидов.

Так, по мнению И.В. Антонова, захват Джучи территории Дешт и-Кыпчак в пределах современного Казахстана был вызван необходимостью объединения в одно владение выделенного ему отцом улуса на Иртыше и городов в низовьях Сырдарьи, захваченных войсками Джучи в 1219–1221 гг. [1, с. 129]. Аналогично И.М. Миргалеев считает, что завоевание Джучидами Дешт и-Кыпчак – это было выполнение беспрекословного указа Чингиз-хана о завоевании Дешт-и-Кыпчака, данного им старшему сыну с тем, чтобы лишить Хорезмшаха Мухаммада его союзников в лице тюркских племен – восточных кыпчаков, канглы, татар, меркитов, найман и др. После смерти Джучи монгольская экспансия в Урало-Поволжье и далее представляла собой уже инерционное расширение наследниками Джучи территории отцовского улуса на запад [19, с. 74–76].

Самой большой проблемой при знакомстве с исследованиями некоторых современных историков является проблема интерпретации ими данных исторической географии. Хотя для нас, археологов, именно географические реалии, выявленные историками в результате источниковедческой критики источников, представляют особый интерес. Прежде всего, в контексте этнокультурных интерпретаций археологических памятников. Но, обращаясь к соответствующим работам коллег-историков, сразу на память приходит высказывание Р. Коллингвуда: «Сколько историков, столько и историй». Что, в общем-то, удивляет (отчасти), поскольку все они пользуются одними и теми же источниками-нарративами. И хотя нас, прежде всего, интересует историческая география кочевников периода Золотой Орды и предшествующего ему времени в том виде, как она реконструируется историками-источниковедами, начнем с выяснения общественно-политического устройства кочевых сообществ в домонгольский период, так, как оно трактуется современными историками.

В.Я. Пилипчук считает (и, по-моему, справедливо), что в XI – начале XIII вв. Дешт-и-Кыпчак представлял собой конгломерат отдельных орд – «вождеств». Восточные кыпчаки представляли в нем конфедерацию племен под «вождеством» племени ильбари/ольбери, занимавшую огромную территорию от Тарбагатай («крайние восточные границы конфедерации восточных кыпчаков располагались поблизости от хребта Тарбагатай») до Приаралья. Между Аральским и Каспийским морями, как считает исследователь, располагались уже владения канглов. То есть, на расстоянии почти 1500 км с востока на запад (практически вся территория современного Казахстана) кочевали племена, политически (а, следовательно – и административно) контролируемые ильбари/ольбери. Они совершали регулярные нападения на Волжскую Булагию, Саксин, иштяков, восточных венгров и башкир (?) [21; 22].

По мнению Р.П. Храпачевского, кыпчакские племена – это орды, одна из которых – *куны* – кочевала в Волго-Уральском междуречье [28, с. 30–31].

По мнению И. Зимони и Н. Кузембаева, кыпчаки, в XI–XIII вв. кочевавшие к востоку от Волги, составляли Восточно-Кипчакское государство, в котором авторы обозначают центр в Тургайских степях, восточное крыло с центром в г. Сыгнаке и западное крыло с центром на Яике (Урале) [4, с. 5; 39].

В.В. Трепавлов считает, что до монгольского завоевания Дешт-и-Кыпчак просто делилась на две части – западную («белую») и восточную¹¹. Распределение кыпчакских (половецких) орд на моноэтнические крылья¹² произошло только после окончательного завоевания и включения Дешт-и-Кыпчак в политическую систему Монгольской империи [26, с. 149–150].

Сразу же возникает вопрос: у кыпчакских «вождеств» и тем более государств подразумевается наличие административного центра (или центров). И. Зимони и Н. Кузембаев для «Восточно-Кипчакского государства» определенно обозначают только один такой центр – г. Сыгнак на Сырдарье. В.Я. Пилипчук ограничивается тем, что приводит спектр мнений других исследователей по этому вопросу, а он весьма широк. Опираясь на один и тот же источник – «Юань ши»¹³ – исследователи ставку ханов восточных кыпчаков помещают в окрестностях Юйлиболи-шань. Причем, одни ассоциируют этот топоним с Южным Приуральем, другие – с горами Барлык вблизи оз. Алаколь [см. ссылки: 22, с. 262].

Расстояние между двумя этими пунктами огромно – более 2000 км. Поэтому представляется крайне затруднительным представить себе «вождество» племени ильбари/ольбери над всей этой территорией. С этим кипчакским племенем вообще многое неясно. С одной стороны, если Юйлиболи-шань – это горы Урала, то вроде бы всё логично, поскольку «основные сведения об *ольберли* относятся к территории Волго-Уральского междуречья» [25, с. 34]¹⁴.

Из десятков публикаций самых различных авторов мы также знаем, что основным очагом кыпчакского сопротивления монгольскому нашествию было Поволжье, где действовал один из «вождей» ольбери – Бачман/Бушман. Правда, как считает П. Голден, ольбери/ольберли в этом районе должны были появиться только ближе к середине XII в. [34, р. 327]. То есть в течение жизни примерно трех поколений они должны были освоить новую территорию и усилиться настолько, что оказали самое упорное сопротивление монголам (единственное, описанное в средневековых источниках). А до этого они же держали под контролем большую часть степей современного Казахстана. Но как раз археологических памятников этого периода в Урало-Поволжье ничтожно мало.

Если же Юйлиболи-шань – это окрестности оз. Алаколь на востоке Казахстана, то там, по мнению других исследователей, до нашествия монголов кочевала группировка *канглы*, «восточные границы которой могут быть ограничены долиной оз. Зайсан до Черного Иртыша, а южные и юго-восточные – склонами тяньшаньского хребта, за которым уже начинались уйгурские владения» [25, с. 33–34]. Археологические памятники кочевников интересующего нас времени там тоже пока не изучены, хотя там они, несомненно, есть. Во всяком случае по «Археологической карте Казахстана» в окрестностях оз. Алаколь известны несколько десятков курганов, которые по своим внешним

¹¹ Восточную сторону Дешт-и-Кыпчак исследователь называет, но никак не обозначает, надо полагать, просто из-за отсутствия надлежащих источников [26, приложение, табл.3].

¹² Полиэтнические крылья, по мнению автора, характерны лишь для крупнейших степных держав-империй [26, с. 149].

¹³ Источник, требующий критического к себе отношения [см.: 6, с. 13–16].

¹⁴ Впрочем, там же Р.П. Храпачевский помещает *кунов*.

признакам могут предположительно рассматриваться как средневековые [2, №№ 3241–3244, 3256–3257].

С другой стороны, вполне весомо звучат приводимые Т. Оллсеном подтверждения первого варианта локализации Юйлиболи-шань в виде транскрипции названий двух рек, между которыми располагались эти горы, приведенных в биографии знаменитого юаньского полководца XIII в. Тутука [20, с. 352].

Для И. Зимони и Н. Кузембаева основным источником сведений о «Восточно-Кыпчакском государстве» является С.М. Ахинжанов. Названный исследователь в основу своей концепции сложения у кыпчаков союза племен¹⁵ положил опять-таки сведения «Юань ши». Опираясь на сведения ряда средневековых источников – Джузджани, Махмуд Кашгари, «Худуд ал-Алам» – С.М. Ахинжанов делает вывод о существовании «на рубеже XI–XII вв. крупной кыпчакской **конфедерации племен** (выделено мной – В.И.), имевших династийную царскую фамилию, происходившую первоначально, вероятно, из племени ильбари, обосновавшихся в предгорьях Южного Урала и степях Западного Казахстана. Интересно отметить, что это владение кыпчаков с племенем ильбари во главе располагалось именно в том районе, где еще в середине IX в., согласно «Худуд ал-Алам», отмечалась отдельная, не зависящая от кимаков, кыпчакская область» [3, с. 209]. Как известно, «Худуд ал-Алам» это географическая компиляция конца X в. Поэтому насчет середины IX в. – это умозаключение автора. А вот относительно независимости кыпчаков, в тексте источника этот сюжет представлен так: «Южный предел хифчахов граничит с баджанаками (печенегами) (*Khifjakh ra hadd-i junubash ba-Bajanak daradh*), а все прочие (***пределы*) граничат с Ненаселенными Землями Севера, где нет существа живого. Хифчаки – это род (*qaum*) который, отделившись от кимаков (*Kimak*), поселился в этих местах, но хифчахи более злонравны (*badh-khutar*), чем кимаки. **Властитель (*malik*) их (назначается) от кимаков** (выделено мной – В.И.)» [36]. То есть «независимость» кыпчаков от кимаков самому автору средневекового нарратива представлялась отнюдь не абсолютной.

Предложенную С.М. Ахинжановым концепцию политической организации восточных кыпчаков в XI–XII вв. И. Зимони и Н. Кузембаев преломляют по-своему. В своей книге сам С.А. Ахинжанов пишет о том, что «правомернее вести речь не о государственных образованиях кочевников-кыпчаков, а о раннегосударственных образованиях или этнополитических объединениях... источники не сообщают почти ничего об определенных владениях. Автор «Худуд ал-Алам» говорил о трех или даже четырех отдельных областях в землях кимаков¹⁶.

Несмотря на скудость информации для XII в., мы попытались выделить три кыпчакских владения, **находившиеся в разной степени зависимости от Хорезмийского государства** (выделено мной – В.И.)... Одной достоверной локальной группировкой кыпчаков являлось их объединение на территории

¹⁵ Предгосударственного образования, разрушенного, по его мнению, в 30-е годы XII в. хорезмшахами из боязни иметь сильного соседа.

¹⁶ Здесь, правда, следует иметь в виду, что кимаки и кыпчаки это все-таки не одно и то же. О чем, в частности, писал М. Кашгари: «йимак – «одно из племен тюрков». По-нашему, они относятся к Кыпчакам, но тюрки-Кыпчаки относят себя к другой группе» [18, с. 762] – прим. мое (В.И.).

полуострова Мангышлак¹⁷, где они совместно с обитавшими южнее их племенами язырской этнической общности образовали на короткое время политический союз, во главе которого стоял «царь». Очень незначительные известия о них в источниках не позволяют в настоящее время сказать что-нибудь достоверное об их истории. Известно только, что в середине XII в. они попали под власть хорезмшаха». Далее автор пишет о двух «достаточно мощных» кыпчакских группировках на территории современного Казахстана: одна, возглавляемая племенем ильбари – в степях Западного Казахстана к северу от Аральского моря¹⁸, второе – Сыгнак¹⁹ (с середины XII в.), управляемое кимаками племени уран. Закончилось все тем, что хорезмшахи покорили оба этих кыпчакских объединения [3, с. 281–286].

Аналогично характеризует политический облик восточного Дешт-и-Кыпчак накануне монгольского нашествия П. Голден. Исследователь также считает, что своего государства кыпчаки, ни восточные, ни западные, не создали, объясняя это отсутствием для них серьезного стимула для политической консолидации в виде внешних угроз [33, р. 106].

Одним словом, на фоне мнений большинства историков-номадистов «Восточно-Кыпчакское государство» есть ни что иное, как плод вольного переложения И. Зимони и Н. Кузембаевым даже не средневековых нарративов, а построений предшествующих исследователей.

Вопрос о том, откуда и как началось завоевание монголами восточного Дешт-и-Кыпчак, также имеет широкий диапазон мнений. Так, В.А. Злыгостев считает, что вторжение в кыпчакские степи было тщательно продуманной акцией, нацеленной «на захват этих земель и создание там платформы для нанесения последующего сокрушительного удара по Хорезму»²⁰. Началось все с разгрома меркитов в районе оз. Балхаш, закончилось (первый поход в Дешт-и-Кипчак) разгромом кыпчаков на р. Уил на западе современного Казахстана.

На обратном пути на р. Иргиз (примерно 300 км к северу от устья Сырдарьи) монголы впервые столкнулись с войсками хорезмшаха Мухаммеда и не проиграли сражения (хотя и не победили) [5, с. 100–121].

В.Я. Пилипчук место первого столкновения монголов с кыпчаками и войсками хорезмшаха определяет в 800–900 км к северо-востоку от обозначенного В.А. Злыгостевым: «Современные исследователи (? – В.И.) считают, что хорезмийское войско двигалось из Хорезма на север к Иргизу... Таким образом, кыпчаки столкнулись с монголами в междуречье Ишима и Иртыша. Проникнуть в этот регион можно было по Сарысульской дороге, от Янгикента она шла на север по течению Сары-су, далее к горам Улутау и выходила в междуречье Ишима и Иртыша. Продвигаясь далее на восток, кыпчаки вышли в горную местность» [22, с. 266]. Каких современных исследователей, опре-

¹⁷ Кочевнические археологические памятники интересующего нас периода там пока неизвестны.

¹⁸ Археологических следов их пребывания здесь пока известно ничтожно мало.

¹⁹ В окрестностях которого археологические памятники кочевников не выявлены.

²⁰ Т. Оллсен, правда, считает по-другому: в его интерпретации конфронтация между монголами и кыпчаками-ольбери «была побочным продуктом событий в отдаленной Монголии». То есть восстания меркитов против Чингисхана, преследуя которых, Субэдэй вторгся в земли кыпчаков [20, с. 352].

деляющих место первого столкновения кыпчаков с монголами в Иртышско-Ишимском междуречье, имеет в виду автор, не понятно. При начертании маршрута хорезмийских войск на север он ссылается на Б.Е. Кумекова, который рассматривает путь из города Янгикента в страну кимаков по данным Гардизи, жившего в XI в.

По мнению И.В. Антонова, опирающегося на сведения Рашид-ад-Дина и «Юань ши», первое столкновение хорезмийцев и кыпчаков с монголами произошло на р. Джарлы в современном восточном Оренбуржье (это вообще в 900 км к юго-западу от Иртышско-Ишимского междуречья и в 450 км к северо-востоку от р. Уил [1, с. 128]).

И совсем в другом месте определяют ход боевых действий между монголами и хорезмийцами Д. Тимохин и В. Тишин: «...очертания театра боевых действий 1218 г. должны быть сведены к землям к северо-востоку от Отрара и Дженда, т.е. среднего течения р. Сыр-Дарья, вдоль оз. Балхаш по южной границе и до р. Иртыш (Белый Иртыш), за которой уже находились древние земли кимаков...» [25, с. 33].

На этом обзор «исторической полифонии» восточного Дешт-и-Кыпчак и завоевания его монголами можно остановить, поскольку продолжение его превысит все мыслимые объемы статейной публикации.

Вывод из сказанного выше следует один: в имеющихся исторических дискурсах по проблеме явно не хватает критического анализа источников. Более того – он там вообще отсутствует, будучи подменен механистическим «дайдже-стом» из средневековых нарративов и суждений предшественников. Хотя в данном случае и последние тоже являются своего рода источниками, требующими соответствующей источниковедческой критики. Взять ту же самую историю племени *канглы*. Практически в одно и то же время исследователи – Я.В. Пилипчук, с одной стороны, Д. Тимохин и В. Тишин – с другой, – рисуют совершенно разные картины расселения этого племени в период монгольского завоевания. Перечисляя всех средневековых нарративистов и современных авторов, Я.В. Пилипчук «основные кочевья» этого племени помещает в Приаралье [23, с. 25]. По Д. Тимохину и В. Тишину, уже с конца XI в. отдельными мусульманскими авторами название *канглы* начинает использоваться для обозначения «всей общности кыпчакских племен казахстанских степей», восточная граница которой простирались до оз. Зайсан и Черного Иртыша [25, с. 30–33].

Вместе с тем, П. Голден считает, что мусульманские авторы вообще не дают каких-либо достоверных координат расселения кыпчаков в XI в. В качестве примера исследователь приводит сведения «Худуд ал-Алам» (982 г.), согласно которому кыпчаки (Khifjakh) должны были кочевать «на восточном берегу реки «Русь», которая может отождествляться с верхней Волгой или Доном» [34, р. 318–321].

Заключение

Итак, вывод напрашивается пока неутешительный. Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении исторические дискурсы о кочевниках восточного Дешт-и-Кыпчак менее всего соответствуют требованию к ним, как к источнику нового объективного знания. Это создает дополнительные трудности для археологов при этнокультурной интерпретации получаемого археологического материала. В качестве примера можно сослаться на предла-

гаемую кемеровским археологом А.М. Илюшиным реконструкцию кыпчакской миграции в восточном направлении, в Кузнецкую котловину и далее в Забайкалье (а это, в общем-то, тысячекилометровые расстояния). В принципе, возможно, такие миграции и могли иметь место, но возникают вопросы: где находилась исходная территория этих миграций, а главное – каков критерий «кыпчакскости» сроткинской, басандайской, шандинской, ладейской, усть-талькинской археологических культур, которые автор трактует как кыпчакские [13]? И если ответ на второй вопрос может дать только археология, то ответить на первый без исторических данных просто невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Образование Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань: «Фэн», 2009. С. 127–137.
2. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
4. Зимони И., Кузембаев Н. Монгольское завоевание Дешт-и Кипчака. Павлодар-Кереку, 2014. 118 с.
5. Злыгостев В.А. Субэдэй. Всадник, покорявший вселенную. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2011. 396 с.
6. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сост., вводная статья и комм. Р.П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.
7. Золотая Орда в источниках. Том третий. Китайские и монгольские источники. Пер., сост., вводная статья и комм. Р.П. Храпачевского. М., 2009. 336 с.
8. Иванов В.А. Археологические памятники кочевников Центральной Азии в Восточной Европе в XIII–XIV вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4. Ч. 2. С. 28–33. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33
9. Иванов В.А. Археологическое источниковедение кочевников Золотой Орды или стагнация диалектики // Золотоордынское обозрение. №1. 2016. С. 182–192.
10. Иванов В.А. Город и степь Улуса Джучи (Золотой Орды) – историческая антитеза // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 162–167.
11. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
12. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: «Наука», 1988. 90 с.
13. Илюшин А.М. Западные и восточные кыпчаки по материалам археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №5 (43). С. 15–19. DOI: 10.17223/19988613/43/3
14. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006. С. 199–237.
15. Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 444–457.
16. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Фэн», 2010. 200 с.
17. Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у с. Лебедевка // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 102–116.

18. *Махмуд ал-Кашгари*. Диван Луга тат-Турк. Перевод, предисловие и комм. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
19. *Миргалеев И.М.* Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.
20. *Олсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008. С. 351–362.
21. *Пилипчук Я.В.* Монгольське завоювання Дашт-и-Кипчак у XIII ст. Автореф. дисс. ... канд. історичн. наук. Київ, 2010.
22. *Пилипчук Я.В.* Монгольське завоювання кочевий восточних кипчаків // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. Лит., 2011. С. 259–288.
23. *Пилипчук Я.В.* Дешт-и-Кыпчак на стыке цивилизаций. Уфа, 2015. 247 с.
24. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
25. *Тимохин Д., Тишин В.* Хорезм, восточные кипчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 25–41.
26. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
27. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ВЗОИ», 2004. 557 с.
28. *Храпачевский Р.П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников). М.: ЦИВОИ, 2013. 125 с.
29. Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. 728 с.
30. *Allsen T.T.* Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley–Los Angeles–London, 1987. 278 p.
31. *Allsen T.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. №3. P. 5–24.
32. *Biran M.* The Mongol transformation: from the Steppe to Eurasian Empire // Medieval Encounters. 10. 1–3. P. 339–361. Электронный ресурс. Адрес доступа: http://www.history.ubc.ca/sites/default/files/documents/readings/iran_medieval_encounters_2004.pdf (дата обращения 24.01.2018).
33. *Golden P.B.* Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipcaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 9 (1995–1997). P. 99–107.
34. *Golden P.* The shaping of the Cuman-Qipcaqs and their world // Peter B. Golden Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. București–Brăila, 2011. P. 303–332.
35. *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, Indiana, 2009. 239 p.
36. *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 AH / 982 AD / Tr. and expl. by V. Minorsky. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://odnapl1yazyk.narod.ru/hududalal.htm> (дата обращения 20.02.2018)
37. *Jiu-Hwa L. Upshur, et al.* The Golden Horde // World History. Minneapolis, 1994. P. 371–372. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://sdaworldhistory.edublogs.org/files/2015/08/32a-Mongols-1i21j6x.pdf> (дата обращения 24.01.2018).
38. *Sinor D.* The Mongols in the West // Journal of Asian History. Vol. 33, no. 1 (1999). Электронный ресурс. Адрес доступа: deremilitari.org/2014/07/the-mongols-in-the-west/
39. *Zimonyi I.* Kipchaks and the Mongol Campaigns against Eastern Europe // Кипчаки Евразии: история, языки, письменные памятники. Астана, 2013. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://edq.kz/2017/09/02/kipchaks-and-the-mongol-campaigns-against-eastern-europe/>

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (450000, ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, Россия). E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила 11.05.2018 Принята к публикации 22.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Образование Улуса Джучи [Formation of the Ulus of Jochi]. Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'-no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)» [Golden Horde Legacy. Proceeding of the International Research Conference “Political and Social and Economic History of the Golden Horde (from the thirteenth to the fifteenth century)”]*, is. 1. Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 127–137. (In Russian)
2. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana [Archaeological Map of Kazakhstan]*. Alma-Ata, 1960. (In Russian)
3. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana [The Kypchaks in the History of Medieval Kazakhstan]*. Almaty, Gylym Publ., 1995. 296 p. (In Russian)
4. Zimoni I., Kuzembaev N. *Mongol'skoe zavoevanie Desht-i Kipchaka [The Mongol Conquest of Dasht-i Kipchak]*. Pavlodar–Kereku, 2014. 118 p. (In Russian)
5. Zlygostev V.A. *Subedey. Vsadnik, pokoryavshiy vseennuyu [Subedei. The Horseman Who Conquered the Universe]*. Ufa, Dizayn Poligraf Servis, 2011. 396 p. (In Russian)
6. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Tom I. Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Arabic and Persian Sources]*. Sost., vvodnaya stat'ya i komm. R.P. Khrapachevskogo. Moscow, 2003. 448 p. (In Russian)
7. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Tom III. Kitayskie i mongol'skie istochniki [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Chinese and Mongol Sources]*. Per., sost., vvodnaya stat'ya i komm. R.P. Khrapachevskogo. Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)
8. Ivanov V.A. *Arkheologicheskie pamyatniki kochevnikov Tsentral'noy Azii v Vostochnoy Evrope v XIII–XIV vv. [Archaeological Monuments of Central Asian Nomads in Eastern Europe in the thirteenth and fourteenth centuries]*. *Historical and social-educational ideas*. 2016, Vol. 8, no. 4, part 2, pp. 28–33. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33 (In Russian)
9. Ivanov V.A. *Arkheologicheskoe istochnikovedenie kochevnikov Zolotoy Ordy ili stagnatsiya dialektiki [Archaeological Source Study of the Golden Horde Nomads or Stagnation of Dialectics]*. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1, pp. 182–190. (In Russian)
10. Ivanov V.A. *Gorod i step' Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) – istoricheskaya antiteza [The City and Steppe of the Jochid Ulus (Golden Horde): A Historical Antithesis]*. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde Civilization]*. 2017, no. 10, pp. 162–167. (In Russian)
11. Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk Ya.V. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii [Medieval Nomads on the Border of Europe and Asia]*. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Publ., 2014. 396 p. (In Russian)
12. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII – XIV vv.) [Kurgans of the Kypchak time in the Southern Urals (from the twelfth to the fourteenth century)]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 90 p. (In Russian)

13. Ilyushin A.M. Zapadnye i vostochnye kipchaki po materialam arkheologii [The Western and Eastern Kipchaks according to the Materials of Archaeology]. *Tomsk State University's Journal of History*. 2016, no. 5 (43), pp. 15–19. DOI: 10.17223/19988613/43/3 (In Russian)

14. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda «Kipchakskim khanstvom»? [Whether the Golden Horde Was the “Kipchak Khanate”?]. *Tyurkologicheskii sbornik* [Studia Turkologica]. 2005. Moscow, 2006, pp. 199–237. (In Russian)

15. Kostyukov V.P. Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys. n.e. [Cultural transformations in the Ural-Kazakh steppe in the first half of the second millennium AD]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of culturogenesis)]. Chelyabinsk, 2006, pp. 444–457. (In Russian)

16. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries]. Kazan, Fen Publ., 2010. 200 p. (In Russian)

17. Kriger V.A. Pogrebeniya kypchakskogo vremeni v mogil'nikakh u s. Lebedevka [Burials of Kypchak time in cemeteries near the village of Lebedevka]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the Southern Urals]. Ufa, 1984, pp. 102–116. (In Russian)

18. Mahmud al-Kashgari. *Divan Luga tat-Turk*. Pervod, predislavie i komm. Z.-A.M. Auezovoy. Almaty, Dayk-Press, 2005. 1288 p. (In Russian)

19. Mirgaleev I.M. Dzhuchi – pervyy pravitel' ulusa [Jochi: The First Ruler of the Ulus]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 72–77. (In Russian)

20. Allsen T.T. Preludiya k zapadnym pokhodam: mongol'skie voennye operatsii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godakh [Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237]. *Stepi Evropy v epokhu sredneveko-v'ya. Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6: The Golden Horde Time]. Donetsk, 2008, pp. 351–362. (In Russian)

21. Pilipchuk Ya.V. *Mongol's'ke zavoyuvannya Dasht-i-Kipchak u XIII st. Avtoref. diss. kand. istorichn. nauk* [The Mongol Conquest of Dasht-i Kipchak in the thirteenth century. The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical studies]. Kyiv, 2010. (In Ukrainian)

22. Pilipchuk Ya.V. Mongol'skoe zavoevanie kochevii vostochnykh kipchakov [The Mongolian conquest of the eastern Kipchak steppes]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Studia Turkologica. 2009–2010: Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2011, pp. 259–288. (In Russian)

23. Pilipchuk Ya.V. *Desht-i-Kypchak na styke tsivilizatsiy* [Dasht-i Kypchak at the Crossroads of Civilizations]. Ufa, 2015. 247 p. (In Russian)

24. Pletneva S.A. *Polovtsy* [The Polovtsians]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 208 p. (In Russian)

25. Timokhin D., Tishin V. Khorezm, vostochnye kipchaki i Volzhskaya Bulgariya v kontse XII – nachale XIII v. [Khwarem, the Eastern Kipchaks and Volga Bulgaria at the end of the twelfth and the beginning of the thirteenth century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 25–41. (In Russian)

26. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory* [Steppe Empires of Eurasia: The Mongols and Tatars]. Moscow, Kvadriga, 2015. 368 p. (In Russian)

27. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of the Chingisids]. Moscow, OOO AST Publ.; OAO “VZOI”, 2004. 557 p. (In Russian)

28. Khrapachevskiy R.P. *Polovtsy-kuny v Volgo-Kral'skom mezhdurech'e (po dan-nym kitayskikh istochnikov)* [The Polovtsians-Kuns in the Volga-Ural Interfluve (according to Chinese sources)]. Moscow, 2013. 125 p. (In Russian)
29. *Chingisiana: svod svidetel'stv sovremennikov* [Chinggisiana: Collection of Testimonies of Contemporaries]. Per., sost. i komment. A. Melekhina. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 728 p. (In Russian)
30. Allsen T.T. *Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley–Los Angeles–London, 1987. 278 p.
31. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. No. 3, pp. 5–24.
32. Biran M. The Mongol transformation: from the Steppe to Eurasian Empire. *Medieval Encounters*. 10. 1–3, pp. 339–361. Available at: http://www.history.ubc.ca/sites/default/files/documents/readings/biran_medieval_encounters_2004.pdf (last accessed 24.01.2018).
33. Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipcaqs. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 9 (1995–1997), pp. 99–107.
34. Golden P. The shaping of the Cuman-Qipcaqs and their world. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. București–Brăila, 2011, pp. 303–332.
35. Halperin Ch.J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington, Indiana, 2009. 239 p.
36. Hudud al-Alam. *The Regions of the World. A Persian Geography of 372 AH / 982 AD*. Tr. and expl. by V. Minorsky. Available at: <http://odnap11yazyk.narod.ru/hududalal.htm> (last accessed 20.02.2018).
37. Jiu-Hwa L. Upshur, et al. The Golden Horde. *World History*. Minneapolis, 1994, pp. 371–372. Available at: <http://sdaworldhistory.edublogs.org/files/2015/08/32a-Mongols-li21j6x.pdf> (last accessed 24.01.2018).
38. Sinor D. The Mongols in the West. *Journal of Asian History*. Vol. 33, no. 1 (1999). Available at: deremilitari.org/2014/07/the-mongols-in-the-west/
39. Zimonyi I. Kipchaks and the Mongol Campaigns against Eastern Europe. *Kipchaki Evrazii: istoriya, yazyki, pis'mennye pamyatniki* [The Kipchaks of Eurasia: History, Languages, Written Monuments]. Astana, 2013. Available at: <http://edq.kz/2017/09/02/kipchaks-and-the-mongoi-campaigns-against-eastern-europe/>

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of National History of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (3a, October Revolution, Ufa 450000, Russian Federation). E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Received May 11, 2018 Accepted for publication August 22, 2018
Published September 29, 2018